

К вопросу о культуре древнейшего европеоидного населения Сибири

Пути формирования современного населения Евразии еще многие годы будут волновать исследователей различных специальностей.

За последнее время немало нового в этом вопросе принесли археологические и палеоантропологические исследования. В частности, антропологом Г. Ф. Дебецом была установлена локализация расселения монголоидного и европеоидного населения. Оказалось, что уже с палеолитических времен таежные зоны Сибири к востоку от Енисея и к северу, примерно, от линии Сибирской магистрали были заняты племенами явно монголоидными, близкими по типу тунгусам. Наоборот, степная зона Сибири, начиная с Минусинской котловины на востоке, через Алтай и пространства Западной Сибири и Казахстана была издавна занята населением палеоевропейского типа, которое, по видимому, явилось производным от кроманьонцев палеолитической эпохи. Палеоантропологические остатки представителей этих сибирских «палеоевропеоидов» восходят к большой древности—к концу неолита Сибири в III тысячелетии до н. э.

Раскопками советского периода установлено, что древнейшие из известных палеоевропейских племен сибирских степей были носителями так называемой афанасьевской культуры. Впервые афанасьевские могильники были открыты в Минусинской котловине еще в 1922 г. За двадцать пять лет число их неуклонно увеличивается. Сейчас уже довольно подробно известны оставшие их люди. Это были первые скотоводы Южной Сибири, разводившие коров, лошадей, овец и коз, но еще не отставшие от более древних промыслов—рыболовства и, конечно, охоты. Они ознакомились с медью, из которой выделывали украшения—спиралевидные серьги, обоймы, пояса, оковки деревянной посуды, а главное—листовидные ножи, а позже и кинжальчики копьевидной формы. Однако основной набор орудий афанасьевцев среднего Енисея выделывался из камня—прекрасные клиновидные топоры, долота, колотушки для руды, боевые секиры, песты и, конечно, наконечники стрел. Кость также служила материалом для различных изделий—иглы игольников и иголок, шпильев и украшений. Шел в дело и рог.

Весьма своеобразна глиняная посуда афанасьевского Енисея. Главную массу составляют круглодонные, яйцевидные и сферические горшки, емкостью в 2—4 литра. Обычно они украшены «елочным» чеканным орнаментом, а изнутри тщательно вытерты зубчатой лопаточкой или комком травы. По своей форме и орнаментации эти сосуды напоминают неолитические лесной зоны Восточной Европы, но особенно близки к горшкам из неолитических так называемых древнеямных погребений степей Причерноморья. Однако вместе с такой архаической афанасьевской посудой найдены своеобразные вазочки на конической ножке, служившие курильницами. Они весьма близки к курильницам из нижневолжских и северокавказских так называемых катакомбных погребений первой половины II тысячелетия до н. э. Что это сходство не случайно, подчеркивают и другие совпадения—каменные колотушки и песты, медные

копьевидные кинжалчики и листовидные ножи, также характерные для катакомбного инвентаря.

Особый интерес представляет изредка встречающаяся окраска афанасьевской посуды. Обычно это однотонная красная окраска курильниц, но однажды встретилась разноцветная роспись протянутыми сверху вниз по горшку «лесенками», окруженными треугольными городками. Эта роспись имеет аналогии в культурах «крашеной керамики» на Западе и на Юге. В Триполье, например, встречаются и лесенки и городки¹. Ближкое применение этих узоров встречаем также и в Сузах и в Анау². Для расписной керамики Триполья и Средней Азии характерно деление поверхности сосуда на части протянутыми сверху вниз лесенками, змейками, гирляндами ромбов и линиями, иногда обрамленными такими же треугольными городками, как и на афанасьевском сосуде.

Облик культур, разделяющих Сибирь от Триполья, едва ли позволяет видеть в афанасьевской росписи отражение каких-то связей с далеким Западом. Иное дело Средняя Азия, тем более, что здесь роспись оказывается не единственным показателем связей афанасьевского населения Минусинской котловины с юго-западом, с Приаралем. В афанасьевских погребениях на среднем Енисее были найдены просверленные раковины *Corbicula fluminalis*, украшавшие ожерелья. Эти раковины могли попасть на Енисей только при наличии у афанасьевцев каких-то связей с племенами, обитавшими на Аму-Дарье, наиболее близкой из всех рек, в которых водится этот пресноводный моллюск.

В связи с этим особо следует упомянуть об одном афанасьевском сосуде из Сыды, который имеет резные фестоны и полукруглые вдавления, не характерные для Енисея, но близкие к орнаменту керамики энеолита Аму-Дарьи (так называемая кельтеминарская культура³).

Подытоживая, можно сказать, что «афанасьевцы» среднего Енисея, отличаясь в физическом отношении от соседних таскских племен, были тем первым пастушеским населением Сибири, которое к началу II тысячелетия уже выделялось «из остальной массы варваров», продолжавших жить охотничье-рыболовческим, неолитическим бытом. Все культурные связи «афанасьевцев» были направлены на запад и юго-запад, о чем говорит импорт и совпадения в инвентаре с ямно-катакомбными и среднеазиатскими формами.

Невольно встает вопрос о том, в силу каких причин могло возникнуть и этническое своеобразие афанасьевцев и их западные и юго-западные связи.

К сожалению, неузученность минусинского неолита сильно затрудняет объяснение этих явлений.

Однако едва ли прав А. П. Окладников, отрицая самую возможность связи между неолитическим населением Енисея и «афанасьевцами»⁴. Он аргументирует сравнением афанасьевской керамики с байкальской. Слов нет, здесь сходства мало, но это ничего и не доказывает. С Байкала и не выводя черты, родственные афанасьевской культуре.

Если же приглядеться к более близким параллелям—к керамике древнейших культурных слоев Красноярского района, имеющей к тому же немало аналогий в недатированном подъемном материале с минусинских дюн, то обнаруживается определенное сходство с афанасьевскими. Это отметил еще В. Г. Карцев и в форме, и в орна-

¹ «Труды XIII Арх. съезда», табл. VIII, 10, VII, 7, IV, II; Г. Осборн, Человечество древнего каменного века, рис. 134, 8.

² G. Contenau, Manuel d'Archéologie orientale depuis les origines jusqu'à l'époque d'Alexandre, т. I, Paris, 1927. стр. 284 сл.; Ars Islamica, V, 1938, рис. 3.

³ С. В. Киселев, Афанасьевские курганы около с. Сыды и Теси, СА, вып. II.

⁴ Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока, «Краткие сообщения ИИМК», вып. IX, стр. 13—14.

менте, и в характерной «вытертости» стенок зубчатой лопаткой или травой¹. Предполагать, что это сходство является результатом влияния «афанасьевцев» (с которыми частично одновременно красноярские памятники)—затруднительно. Ряд фактов говорит о весьма позднем, лишь к концу II тысячелетия до н. э., проявлении культурного воздействия минусинского юга на красноярцев.

Это сходство в керамике поддерживается и другими фактами. Общеизвестно, что в погребениях таежного неолита Сибири, в том числе и в красноярских, распространеннейшим видом украшений являются ожерелья из зубов различных животных и сверленного перламутра. В 1940 г. в афанасьевском кургане около с. Копен мы нашли богатейшее ожерелье этого же типа. Нельзя также пройти мимо находок в «афанасьевских» курганах колющих кинжалов и кинжаловидных привесок², находящихся себе аналогии в орудиях и украшениях позднего таежного неолита³.

Таким образом, что касается археологических материалов, то в них мы не видим оснований для отрицания связи между сибирским неолитом и афанасьевской культурой на Енисее. Вполне возможно также допустить наличие в Минусинской котловине в афанасьевское время культурных комплексов, близких к одновременным неолитическим тайги. Но кто были носители этой культуры—монголоиды тайги, вытесненные в афанасьевское время европеоидами, как это получается у А. П. Окладникова, или предки «афанасьевцев»? Для решения этого вопроса недостаточно одних археологических материалов, хотя их показания и нужно учесть. Необходим палеоантропологический материал. Между тем он представлен пока одним черепом из доафанасьевского погребения, найденного в Батенях (Минусинская котловина).

По словам Г. Ф. Дебеца, череп этот весьма своеобразен. Он не похож на мужские афанасьевские, среди женских же может рассматриваться как их крайняя вариация. С монголоидами таежного неолита он не связывается.

Таким образом, эта находка не противоречит тем связям с доафанасьевским неолитом, которые обнаруживаются в афанасьевских комплексах. Это же обстоятельство позволяет видеть в формировании афанасьевской культуры на среднем Енисее длительный процесс, в котором местные элементы играли не малую роль наряду с новыми, проникавшими со стороны. Такая длительность начинающегося из неолита сложения афанасьевской культуры объясняет и ту поразительную чистоту афанасьевского европеоидного типа, которую Г. Ф. Дебец считает одним из основных аргументов против тезиса А. П. Окладникова о независимости афанасьевской культуры от местного развития⁴. Имелось достаточно время для того, чтобы даже на окраинах степного мира четко была проведена грань между афанасьевцами-европеоидами и оставшимися в неолите монголоидами тайги. Эти выводы подтверждаются и теми открытиями, которые сделали археологи на Алтае.

Здесь уже давно известны три древних погребения на Чудачьей горе около Барнаула и два на р. Ин-Улаган в горном Алтае. Особенно архаично погребение на Чудачьей горе, относящееся, судя по наличию в нем типично китайских сложных рыболовных крючков, к концу сибирского таежного неолита, близкому по времени к афанасьевским. Архаизм погребения подчеркнут и тем, что оно находилось на территории стоянки—обычай, характерный для неолитического погребения. Погребения на р. Ин-Улаган объединяет с Чудачьими отсутствие керамики, но их отличием является курганная насыпь и окраска скелетов красной охрой. Последние особенности сближают

¹ В. Г. Карцев, Материалы к археологии Красноярского района, Красноярск, 1929, табл. V, стр. 38—39.

² С. В. Киселев, Материалы археологической экспедиции в Минусинский край 1928 г., Минусинск, 1929, т. I.

³ А. П. Окладников, Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья, ВДИ, 1938, № 1, стр. 252, рис. 7—13.

⁴ Г. Ф. Дебец, Проблема заселения северо-западной Сибири по данным палеоантропологии, «Краткие сообщения ИИМК», вып. IX, стр. 15.

Ин-Улаган и аналогичное погребение, открытое в 1927 г. на р. Урсуде, со ставшими известными с 1932 г. афанасьевскими курганами Алтая. Таким образом, типично афанасьевские курганы Алтая находятся на одной территории с более архаичными, что выгодно отличает их от минусинских.

Отметим здесь же, что костяки из ин-улаганских архаических погребений (чужацкий скелет сохранился очень плохо) принадлежат тому же палеоевропейскому типу, что и остальные афанасьевские Алтая и Минусинска. Таким образом, на Алтае, как и на Среднем Енисее, обнаружилась традиционная связь афанасьевской культуры с неолитом и глубокая древность обитания палеоевропейцев.

Это нашло подтверждение в дальнейших находках. В 1932 г. ойротским музеем было исследовано первое типично афанасьевское погребение на урочище Куом на р. Катунь. В 1936 г. работы были продолжены Г. П. Сосновским¹. Всего в Куоме исследовано 11 погребений под невысокими кургацниками из камней, пересыпанных землей. Частых на Енисее погребений мужчины с женщиной здесь не встречено. Лишь в двух случаях вместе со взрослыми погребен ребенок и подросток. Любопытно, что

ребенок лежал сбоку женщины, но голова его, по видимому, отчлененная, была положена у нее между ног. Большинство костяков лежало на спине с согнутыми ногами, которые первоначально могли стоять коленками вверх (в двух случаях это

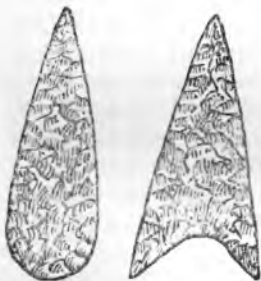

Рис. 1 б. Наконечники стрел. Верхний слой стоянки Куом (Алтай). Н. в.

Рис. 1а. Медный нож из афанасьевского кургана в урочище Куом (Алтай). Н. в.

и было доказано). Один человек оказался лежащим на груди, лицом вниз, в вытянутом положении. Лишь в четырех могилах покойники были окрашены охрой. В 6 погребениях были обнаружены различные вещи. Прежде всего отметим три находки костей барана, что говорит, очевидно, о наличии и на Алтае в афанасьевскую эпоху скотоводства. Найдена также посуда — 9 лийцевидных горшков, так же как и афанасьевские Енисей, украшенных елочным орнаментом или «вытертых» зубчатой лопаточкой или комком травы. Некоторые из них несколько отличает наличие довольно высокой прямой или даже расширенной сверху шейки. Очевидно, — это местная особенность, так же, как и наличие у двух сосудов ушков. Кроме того, найдено костяное шило и рукоятка для пластинчатого медного ножа. Последний отличается и от афанасьевских Енисей и от близких к ним катакомбных из восточноевропейских степей. Он имеет для скрепления с рукояткой черенок, выступающий не по середине верха клинка, а с одного края на одной линии с клинковой спинкой (рис. 1а). Эта особенность, а также округлость нижней части клинковой пластины сближает куомский нож с так называемым «казахстанским» конца бронзового века Западной Сибири². Может быть, подобные ножи были в свое время предшественниками «казахстанских». Во всяком случае в этой форме ножа можно видеть еще одно указание на юго-западные связи афанасьевцев Саяно-Алтайского нагорья.

Большой удачей Г. П. Сосновского следует считать открытие на территории Куомских курганов остатков древнего поселения.

¹ «Археологические исследования в РСФСР 1934—36 гг.», Л., 1941, стр. 304—306.

² А. П. Гризнов. Казахстанский очаг бронзової культуры, сб. «Казах», вып. III, 1930, рис. 3, стр. 155.

Верхний слой этого поселка близок курганам. Он содержит типично афанасьевскую керамику, кремневые пластинки, наконечники стрел и кости животных (рис 16).

Нижний слой, отделенный от верхнего 20-см стерильного наноса, содержит более архаичные остатки: каменные скребки, нуклеидные орудия, ножевидные пластинки с ретушью по краю, фрагмент костяного оружия, сделанного вкладышевой техникой, (в его желобке оказалась кремневая пластинка). Керамика отличалась и по орнаменту и по технике. Особенно показателен в этом отношении большой сосуд, украшенный вертикальной елочкой. Стенки его, в отличие от афанасьевских, тщательно заглажены. «Вытертости» нет и следа. Эту керамику, присоединяя к ней некоторые случайные находки, можно сблизить с открытой в 1939 г. С. П. Толстовым посудой так называемой кельтоминарской культуры дометаллического Хорезма. С Кельтоминаром нижний слой куюмской стоянки сближают и совпадения в кремневой индустрии, особенно ножевидная пластинка с боковой ретушью, нуклеидные орудия и скребки¹.

Таким образом, на Алтае дзафанасьевский неолитический период представляется весьма сложным. С одной стороны, его культура обладает чертами сибирского неолита (Чудацкая гора), а с другой—обнаруживает связи с юго-западом, со Средней Азией. Эти связи не прекращаются и позднее.

В горном Алтае, на восточном берегу речки Куроты, в 15 километрах от ее впадения в р. Урсул, нам удалось обнаружить афанасьевские курганы, отображающие продолжение того развития, которое зафиксировали исследования в Куюме.

Здесь все 9 курганов земляные, но на них выложены из камня круги. В одном случае было два concentрических круга (кург. № 2). Кроме курганов, здесь же расположены 3 каменных кольцевых выкладки. Мы раскопали 7 курганов и 2 кольца.

В кургане № 1 на горизонте было обнаружено своеобразное сооружение из лиственничных бревен и налок. Центр его составлял сильно сгнивший, провалившийся вниз накат, покрывавший могильную яму. Пространство с могилкой в центре было огорожено рамой из длинных бревен, лежавших, образуя прямые углы друг к другу, на северной, восточной и южной сторонах. Западная сторона огородки не была прямой, но состояла из двух бревен, сходящихся друг с другом под тупым углом, обращенным вершиной к западу. Таким образом, все сооружение имело пятиугольный план. Следует также отметить, что в вершине тупого угла лежал очень большой камень, притащенный с горы.

Наличие в первом кургане многоугольной ограды из бревен должно обратить на себя внимание. Как и накат над могилкой, ограда указывает на конструктивное использование дерева. Погребальные сооружения часто воспроизводят формы жилища. Позднее в майамирское и назарыкское время деревянные дома-склепы были широко распространены. Может быть, здесь мы имеем их первичную форму.

Другие курганы не имели подобных сооружений. Только в № 9 были замечены остатки наката. Могильная яма № 7 была плотно закрыта массивными плитами. Могильные ямы в плане были четырехугольные со скругленными углами². Остатков сооружений внутри могильной ямы наблюдается не было.

¹ Некоторые вещи Кельтоминара см. С. П. Толстов, Хорезмская экспедиция 1939 г., «Краткие сообщения ИИМК», вып. VI, рис. 14, стр. 71, а также В. III, 1941, № 4.

² Размеры ям:

к. № 1—	дл. с З.	на В.	2,3 м,	шпр.	1,6 м.	гл.	1,1 м.
к. № 2—	» с С.	» Ю.	2,6 м,	»	2,2 м.	»	1,1 м,
к. № 3—	» с З.	» В.	1,9 м,	»	1,15 м,	»	1,6 м,
к. № 4—	» с ЮЗ	» ВСВ	2,5 м,	»	1,6 м.	»	1,5 м,
к. № 5—	» с »	» »	2,5 м,	»	1,5 м.	»	1,5 м,
к. № 6—	» с З.	» В.	2,8 м,	»	1,5 м.	»	2 м,
к. № 7—	» с ЗСЗ	» ВЮВ	2,25 м,	»	1,7 м.	»	1,25 м,
к. № 8—	» с »	» »	1,3 м,	»	0,75 м,	»	1 м,
к. № 9—	» с З.	» В.	2,2 м,	»	1,5 м,	»	1,4 м.

На грунтовом полу ямы обычно можно было усмотреть тончайшую гуммированную прослойку, возможно, остаток какой-нибудь подстилки. Во многих случаях пол был окрашен красной краской, которой обсыпали покойника.

В большинстве курганов покойники лежали по одному. В одном (№ 9) их оказалось два, в другом (№ 2)—три. Скелеты лежали на спине. Руки были вытянуты вдоль тела,

Рис. 2. Вид погребения в кургане № 4. Урочище Курота (Алтай)

Иногда наблюдался сгиб в кистях, которые как бы были подсунуты под таз. Ноги у пяти покойников были согнуты в коленях и лежали на левом боку. У остальных ноги были также согнуты, но первоначально лежали коленями вверх. Лишь со временем кости упали. Иногда они приняли ромбическое положение, иногда берцовые и бедренные перекрыли друг друга. Кости стопы в большинстве случаев сохранили первоначальное прямое положение (рис. 2). Ориентировка головы была предпочтительно восточная (6 чел. на В. и 1 на ВСВ, на З.—2 чел. на ЗСЗ—2). В парном погребении ориентировка была одина—головой на В., в тройном—два на В. и одно на З. Большинство костяков оказалось окрашенным в интенсивный красный цвет. Краска—тонко растер-

тый минеральный порошок кучками и «брызгами», находилась возле покойников (чаще у левого плеча).

Из вещей отмечу каменную колотушку, лежавшую под коленями покойника из № 3 (рис. 3) и прекрасный пест из № 2 (рис. 4). Оба предмета находят ближайшую аналогию среди «афанасьевских» Минусинской котловины. Остатки медных проволочных вставных колец были встречены в ряде случаев, но цельных оказалось только 2 (№ 5). Из рога искусно выточен перстень, найденный на пальце правой руки покойника в кургане № 3. Костяные предметы вроде ложечек или лопаточек, возможно, служившие для плетения, оказались в нижней части грабительского хода в кургане № 6. Кости животных весьма редки. В кургане № 6 были найдены кости нижней части ног (копыта и обломок фаланги, повидимому, яка). Кроме того, в том же кургане было встречено 8 костей беркута. Особый интерес представляет глиняная посуда. Обычное место сосудов в могиле—у плеча или против середины плечевой кости (в Куюме—в ногах и однажды у локтя). Два сосуда оказались яйцевидными. Один из них—типично афанасьевский остродонный (курган № 2—рис. 5); другой же—с плоским дном (курган № 7—рис. 6). Два сосуда—бомбовидных (курган № 2 и № 7—рис. 7). Кроме того, найдена типично афанасьевская вазочка-курильница (курган № 2—рис. 8). Из ограбленных погребений дошли лишь обломки горшков. Все сосуды имеют на стенках характерную афанасьевскую «вытертость». Орнаментация обычно елочная афанасьевская. Кроме того, встретился узор из квадратных вдавлений и полукруглые резные фестоны. Последние два узора необычны для афанасьевской керамики, но мы видим их на кельтоминарской. Особо следует остановиться на баночном плоскодонном сосуде, украшенном елочным орнаментом из кургана № 4 (рис. 9). Он живо напоминает баночные древнеандоновские горшки из Минусинска, относящиеся к середине II тысячелетия до н. э.¹ Это сближение не случайно. Обращает на себя внимание обломок сосуда из кургана № 1. На нем геометрический орнамент, нанесенный зубчатым чеканом, также живо напоминающий древнеандоновские образцы.

Эти особенности керамики, наряду с наличием (в противоположность Куюму) парных погребений, являются аргументом в пользу большей молодости куротинских афанасьевских курганов. Они особенно интересны тем, что демонстрируют зарождение в афанасьевском комплексе Алтая новых андроновских черт. На Енисее в раннеандоновских погребениях можно видеть продолжение этой связи.

К сожалению, очень ограничены наши сведения о распространении афанасьевских памятников на запад от горного Алтая. Обломки афанасьевских сосудов прослежены лишь по Оби до Барнаула и на Иртыше под Семипалатинском².

Однако можно предполагать и более западное ее распространение. За это говорят, во-первых, наличие в афанасьевском инвентаре признаков связи с ямной и катакомбной культурой, во-вторых—широкое распространение на западе Сибири андроновской культуры, на Алтае очень близко связанной с афанасьевской, и, в-третьих, следы импорта даже на Енисей из Аральского бассейна. Для того чтобы такой импорт был осуществлен, нужно предположить какую-то культурную близость промежуточных веньсов. Вероятнее всего эта близость подкреплялась и близостью физического типа. Вполне возможно и более южное распространение к югу от Семипалатинска. Может быть, за это говорит и родство афанасьевской посуды с керамикой, украшенной сложным орнаментом, которую А. Стейн нашел в низовьях Яркенд-Дарьи³.

Подведем итоги. Есть все основания предполагать, а для Саяно-Алтая и утверждать, распространение в степях Западной Сибири, вплоть до Енисея на востоке, в самом начале бронзового века весьма однородной афанасьевской культуры, носите-

¹ СА, № 9, 1947.

² С. А. Теплоухов, Древние погребения в Минусинском крае, «Материалы по этнографии», т. III, в. 2, Л., 1927, табл. III.

³ За предоставление этих сведений приношу глубокую благодарность С. П. Голстову.

Рис. 3. Каменная колотушка. Курота (Алтай).
1/2 н. в.

Рис. 4. Каменный пест. Курота (Алтай).
1/2 н. в.

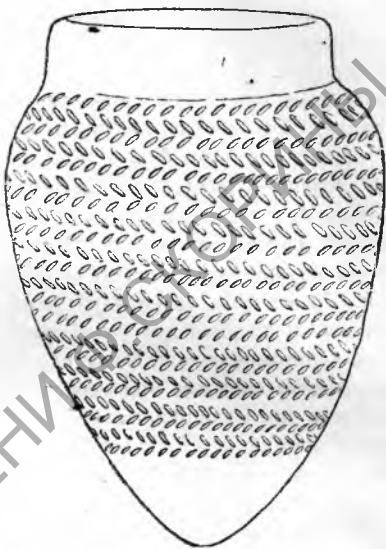

Рис. 5. Сосуд из кургана № 2. Курота (Алтай). 1/3 н. в.

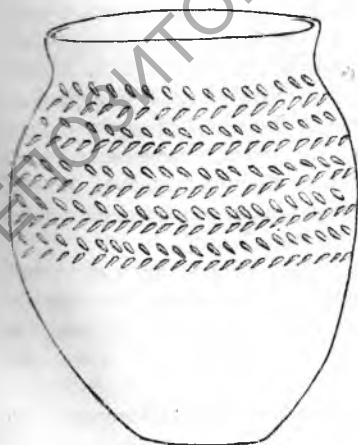

Рис. 6. Сосуд из кургана № 7. Курота (Алтай). 1/3 н. в.

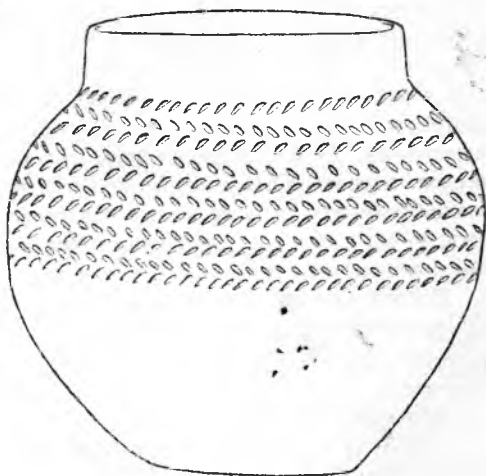

Рис. 7. Сосуд из кургана № 7. Курота (Алтай). 1/3 н. в.

лими которой были племена палеоевропейского типа, знавшие уже, в противоположность таежным охотникам, скотоводство. При самом возникновении афанасьевской культуры заметны отдаленные, главным образом западные, связи, доходившие до Поволжья, может быть, даже до Причерноморья, население которого к тому же было очень близко к афанасьевскому по своему физическому облику.

В формировании афанасьевского комплекса заметно участие и местных поздненеолитических культур. Однако чистота афанасьевского типа и глубокая древность его не позволяют предполагать, что носителями этой поздненеолитической культуры Минусинской котловины и долины Алтая было население, резко отличное от поздней-

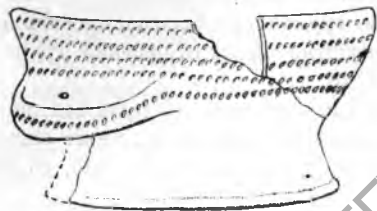

Рис. 8. Сосуд из кургана № 2. Курота (Алтай). 1/3 н. в.

Рис. 9. Сосуд из кургана № 4. Курота (Алтай). 1/3 н. в.

шего (скажем, таежные охотники-монголоиды). Вместе с тем необходимо отметить, что при изучении афанасьевских памятников обнаруживаются связи с югозападом — с энеолитом Средней Азии времен Анау и Суз, который предшествовал афанасьевскому. Такая пережиточность в «Афанасьеве» влияния среднеазиатского энеолита подтверждается обнаруженными в доафанасьевском слое Куюма (Алтай) признаками близости со Средней Азией через кельтоминарскую культуру, в свою очередь связанную с энеолитом типа Анау... Эти факты уводят нас уже в очень отдаленное время. К сожалению, еще очень мало обеспеченное источниками. Указывают ли эти связи со Средней Азией на какие-то этногенетические пути, или европеоиды сибирских степей эпохи позднего неолита и энеолита являются, наряду с населением степей Восточной Европы, потомками охотников кроманьонцев, широко распространенных здесь еще в очень древние времена, — можно будет решить только после новых археологических работ, главным образом в области неолита Сибири и Средней Азии.